

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.14158

ЯЗЫК КАК СОКРОВИЩЕ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. Язык – это общественное явление *sui generis*. В статье показано, что как целое он идеологически не дифференцирован и поэтому способен выражать общественное сознание в полном объёме. Проблема взаимоотношения языка и идеологии не ограничивается только вопросом об идеологической связанности языкового знака. К ней относится также широкий круг вопросов, связанных с выбором языка коммуникации, отношением общества к различным иностранным языкам, их оценкой, языковыми контекстами. Идеологически обусловлен также языковой пуризм. Но проблема, поставленная в статье, предполагает, прежде всего, разбор самого феномена идеологии. Она выступает сегодня во всеоружии теоретической серьезности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике.

В статье использованы приёмы толкования текста. Применяются стандартные методы научного исследования, в том числе метод сравнительного анализа, частично методологические установки герменевтических и постструктуралистских подходов к исследованию текстов.

Новизна подхода в статье обусловлена современным толкованием идеологии, которая была в своё время проанализирована К. Марксом. Сегодня же в философии содержатся весьма глубокие мысли об этом феномене в работах таких авторов, как Поль Рикёр, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и других мыслителей. Автор опирается на работу французского исследователя О. Ребуля, что позволяет дать характеристику различных функций, присущих идеологии. Особенность статьи заключается в том, что авторский подход позволяет проанализировать язык в аспекте власти и властолюбия, обозначить формы идеологического высказывания.

Ключевые слова: язык, идеология, мифология, функция, речь, текст, деидеологизация, метаязык, истина, смысл.

Действительно ли язык имеет идеологическую природу? Уже несколько десятилетий назад у философов возникли конкретные сомнения в достоверности данного положения. Французский мыслитель Б.А. Леви пришёл к убеждению, что речь надлежит рассматривать ни как пространство идеологических столкновений, ни как инструмент власти вообще. Язык, по экспертизе Б.-А. Леви, можно считать «формой самой власти» [1, р. 49]. Философские взгляды Леви формировались под влиянием идей Ф. Ницше о воле к власти. Он испытал также влияние структурализма М. Фуко и Ж. Лакана, а также экзистенциализма А. Камю. Вслед за Ф. Ницше Леви анализировал «патологию власти». Властные структуры, опираясь на языковые средства, обозначают «смерть человека», которая выражает себя в абсолютном стирании личностных черт индивида. Леви считал, что власть как феномен не может быть локализована. Она заполняет весь мир, охватывает все сферы жизни. Поэтому

реальная борьба с властью невозможна. Немыслима никакая контрвласть. Именно в этом смысле Б. Леви полагал, что бытие власти обнаруживает аналогию с бытием языка, который в ходе своего функционирования тоже обнаруживает властные устремления. Кто сегодня может быть властителем: лишь тот, кто овладел арсеналом языка, освоил все его возможные смыслы и способы существования. Язык является средством отчуждения и зла. Это происходит потому, что люди начинают перенимать язык своих властителей [2; 3].

Однако если язык обслуживает идеологию, а она универсальна и всепроникающа, то такой вывод оказывается абсурдным. Если все идеология, то это означает, что она представляет собой ничто. Р. Барт выразил эту мысль в феномене метаязыка. Первоначально это понятие в «Мифологиях» обозначало ряд отдельных, в принципе множественных объектов. Иначе говоря, метаязык – это вторичный язык, на котором говорят о первичном. Но в дальнейшем творчестве Барта метаязык получил

иное толкование. Под ним подразумевалось некая сплошная, нерасчленённая масса, которая заполняет мир социального сознания. Барт писал о принадлежности мифа к метаязыку. Он имел в виду политическую реальность, которая вычищена, отделена от нас вековыми напластованиями метаязыка. В таком понимании метаязык представляет собой исключительное владение угнетателей и властителей.

Лингвист прежде всего пытается ответить на вопрос, можно ли считать идеологию фактом языка или речи? Под речью О. Ребуль понимает свободное использование родного языка индивидом [4, р. 39]. Здесь требуется уточнить, что понимается в данном случае под идеологией? Современная экспертиза данного понятия позволяет трактовать идеологию как специфический код, который в значительной степени влияет не только на манеру излагать свои мысли, но и на смысл слов, выражающих, воплощающих их. О серьёзности данного общественного феномена в начале прошлого столетия писали Поль Рикёр, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители.

«Пожалуй, и до Маркса идеология подвергалась унижению, – отмечает проф. И.В. Егорова. – Вообще, надо полагать, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были изложены серьёзные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона были рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна избочивать политические институты как средства духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способа оправдания несправедливых социальных отношений. Одним словом, предполагалось, что именно идеология имеет шансы противостоять власти, поскольку она выступает в роли теоретического контролера официального государственного курса» [5, с. 101].

Расхожие слова идеологии – «свобода», «справедливость», «демократия», «фашизм» – обретают разный смысл в различных идеологических систе-

мах. Прежде чем ринуться в пучины идеологизации, надо просчитать и возможные последствия безрассудной индоктринизации. При определении идеологии как операционального сознания важно учесть пять параметров:

1. Идеология всегда маргинальна. Иначе говоря, она принадлежит ограниченной общности людей, у неё должны быть противники, с которыми она полемизирует.
2. Идеология всегда коллективна: это не мысль индивида (взгляды одного незаурядного мыслителя, будь то Платон или Кант, не составляют идеологию). Идеология – это групповой феномен.
3. Идеология всегда камуфлирует себя, не только утаивая или маскируя факты или серьёзные аргументы противника. Она представляет себя в виде науки, здравого смысла, морали, очевидности или неоспоримого факта.
4. Идеология всегда рациональна, то есть противопоставлена мифу, догме, мнению, верованиям.
5. Идеология всегда находится на службе у власти. Зачастую идеология бывает суммой идей господствующего класса.

Рациональность идеологии не следует понимать в том смысле, что она зиждется на строгих постулатах. Известный немецкий философ, один из лидеров так называемой Франкфуртской школы Т. Адорно показывает, что идеология полна недомолвок, недосказанностей, нерациональных обоснований. Э.М. Спирова пишет: «Адорно полагает, что любая идеология распространяется с помощью шифров, кодовых обозначений, которые вовсе не проясняют общественное сознание, а, напротив, затуманивают его зашифрованным смыслом, доступным лишь идеологам и их сторонникам. По сути дела, речь идёт не о языке идеологии, а о его жаргонности, о социальном диалекте, который отличается от литературного и общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией. Жаргон обладает экспрессивностью оборотов и открытостью лишь для посвящённых. Это, вообще говоря, условное обозначение тайного «воровского языка» французского люмпен-пролетариата XV в., одним из древнейших памятников которого являются написанные на жаргоне баллады Вийона» [6, с. 152].

Идеология может проявляться в различных областях: в структуре школ, постановлениях, семейном укладе, учрежденческой сфере (парламентской, административной, юридической и т.д.), различных символических системах (в эмблемах,

ритуалах, в особенностях одежде и поведения). Однако приоритетной зоной реализации идеологии, в которой она выполняет свои специфические функции) является речевая деятельность.

Идеология становится фактом речи через посредство текста, который представляет собой тип речи, регулируемый субкодом языка. Он общий – для большой группы индивидов. Именно идеологический текст в противопоставлении юридическому, административному и некоторым другим текстам должен служить объектом дальнейшего научного анализа.

Какова главная функция идеологического текста? Является ли она релевантной в лингвистическом отношении. О. Ребуль исходит из предположения о том, идеологическое высказывание как языковой факт не выполняет специфической, свойственной только ему функции, а особым образом реализует шесть языковых функций, маскируя одну другой. Под шестью функциями О. Ребуль имеет в виду выделение Р.Якобсоном языковые функции, проявляемые в акте коммуникации и связанные с основными факторами последней: референциальная, экспрессивная, побудительная, поэтическая, фатическая и металингвистическая функции [7].

В шести главах, которые следуют за двумя введениями, рассматривается «маскировка» всех шести функций: в первой главе «О чем говорят?» – референциальной функции; во второй – «Кто говорит?» – экспрессивной функции; в третьей – «Текст власти и власть текста» – побудительной функции; в четвертой – «Риторика» – поэтической функции; в пятой – «Конфискованное слово» – фатической функции; шестая – «Код и компетенция» – металингвистической функции.

При анализе референциальной функции центральной темой оказывается проблема соотношения идеологии и истины. Анализ этого вопроса должен учитывать теоретическое различие, установленное лингвистикой, между «смыслом и «референцией». Смысл это отношение означающее\означаемое, тогда как референция – это отношение означающее\референт. Немецкий философ Ф. Фрёге отмечает, что «вечерняя звезда» и «утренняя звезда» имеют один референт (Венера), но не один и тот же смысл: невозможно заменить «вечернюю звезду» на «утреннюю» в предложении «пастух ложится спать, завидя вечернюю звезду. Вообще говоря, референт относителен, и идеологи пользуются этим обстоятельством, применяя прием

«скольжения смысла». Так, в идеологическом дискурсе «французские канадцы» и «квебекцы» имеют один и тот же референт, но первая точки зрения имплицитно признает Канаду своей родиной (федералисты), тогда как вторая подразумевает требование независимости Квебека (сепаратисты).

Экспрессивная функция направлена на отправителя сообщения говорящего или пишущего, и реализуется, в принципе в том смысле, когда текст содержит любую информацию от автора. Если признать, что идеологическая речь маскирует своего референта, то это справедливо также и по отношению к её автору. Следовательно, реальный субъект высказывания – не индивид, который не более чем рупор предвзятых идей и мнений. Все идеологическое, что содержит высказывание, это как раз то, что сказано «втайне» от отправителя, то есть независимо от его воли. Тем самым утверждается – парадоксальным образом – что любая речь, содержащая «искренний», личный мотив, находится вне идеологии. Идеологический текст содержит «готовую» модель, существующую «до» мысли говорящего и принуждающую последнего к ее определённой словесному воплощению.

Побудительную функцию (агональную, воздействующую) принято считать наиболее характерной для идеологического текста, поскольку нормирующий текст, использующий перформативы, может быть идеологическим. Это не означает, однако, что идеологический текст всегда нормирующий. В отличие от перлокутивных и иллокутивных актов [см.: 8], являющихся речевыми актами, идеологический текст – это акт маскировки с помощью речи. Побуждение же к действию, если оно содержится в нем, реализуется, в частности, с помощью так называемых «ударных слов». Речь идет, например, об использовании слов с априорно положительными коннотациями, таких, как «свобода» (ср. «Вы за свободу трудоустройства?») или «солидарность» (ср. «Не думаете ли вы, что все рабочие во время забастовки должны быть солидарны?»). Существуют только слова-табу (не в языковом, а в идеологическом плане): например, такими словами являются «реформист» или «идеологическое перемирие» (возможно их употребление в негативном смысле).

Риторическая функция в идеологическом тексте демонстрирует, какие именно приемы используются для маскировки. Из всех функций риторики (к которым относятся агональная, педагогическая, эстетическая и др.) идеологическая речь использует

ет прежде всего функцию убеждения. В той мере, в какой такая речь не может доказать, она должна убедить. Как правило, в риторике фигура речи определяется через «отклонение» от прямого смысла выражения. По «природе» отклонения (которое может затрагивать и другие уровни языка или даже систему в целом) О. Ребуль выделяет три типа риторических фигур: 1) «игра» слов, в которой затрагивается «форма» фонем или их комбинаций (например, каламбур); 2) «игра» смысла или троп, в которой изменяется означивание морфем и синтагм (например, метафора); 3) «игра» мысли, модифицирующая отношение высказывания к референту (например, ирония).

В это понятие отклонения, используемого в риторике, идеология вносит несколько иной смысл, усиливая напряжение между контекстом и фигурой. Например, известный политический лозунг, который был использован во время предвыборной кампании Эйзенхауэра и принес ему, как считали эксперты, немалую популярность, – I like Ike – «Я люблю Айка» – построен на игре слов, а именно на повторении схожих фонетических слогов, «чудом» выявляющих близость означиваемого и означаемого. Снятие этого напряжения осуществляется с помощью процесса лексикализации, который как бы «банализирует» фигуры, превращая их из лозунгов в клише. Этот приём характеризует идеологию «нападения». Например, двойная метафора, употребляемая маоистами по отношению к американцам и советским людям, – «бумажный тигр» («тигр» означает «кровожадный», «жестокый»; «бумажный» – «непрочный», которого легко одолеть).

О. Ребуль отмечает, что использование фигур в идеологии часто прямо противоположно их использованию в поэтическом тексте: «Сила, пришедшая к власти, не нуждается более в том, чтобы нас взволновать или растрогать, рассмешить или задать вопрос; на её стороне мощь очевидности» [4, р. 140]. Отсюда широчайшее использование клише и других подобных стёртых фигур.

Фатическая функция, определяемая Р. Якобсоном как функция установления, продления или прекращения речевого контакта (например, «Алло, вы меня слышите?») на первый взгляд представля-

ется нехарактерной для идеологического текста. Но О. Ребуль считает фатическую функцию главной в идеологическом тексте: разве смысл всякой идеологии не узурпирование речи, сохранение ее любой ценой или запрет речи? На самом деле в любой идеологии уделяется большое внимание установлению наибольшего числа речевых контактов, завоеванию все возрастающего числа приверженцев. Особенно речь фатическая функция идеологического текста проявляется в запрете на речь идеологического противника. Используется приём «конфискации слова», запрет на канал коммуникации или с помощью риторических приёмов.

Последняя из рассматриваемых функций – металингвистическая. Идеологический текст представляет собой лингвистический субкод, то есть систему дополнительных правил, налагаемых на основную систему правил языкового кода. Следовательно, модифицируя с помощью этих дополнительных правил код, идеология реализует определенную металингвистическую функцию.

Наука и техника не устраняют идеологии. Наоборот, чем сложнее и многообразнее общественная жизнь, тем настоятельнее становится потребность в некоей силе, которая бы мобилизовала и скоординировала человеческие помыслы, направив их в конкретное русло. Если рассматривать идеологию только как средство познания, то она неизбежно окажется ложным сознанием. Но если рассматривать идеологию как систему управления обществом, то возникает вопрос о ее действенности, о радиусе ее всепроникающей деятельности, о глубине ее влияния на умы людей. Господство идеологии совсем не обязательно должно совпадать с политическим господством. Власть и дух могут вступать в противоречие. Официальная идеология далеко не всегда бывает самой могущественной. В этом проявляются возможности идеологического плюрализма. Всякое стягивание идеологического процесса к одной магистральной линии грозит последствиями. Идеологию невозможно разоблачить и устранить. Вытеснить ее может только другая идеология. Деидеологизация опасна в той же мере, как и реидеологизация. Проблема лишь в том, чтобы понять, действительно ли сегодня нельзя без идеологии.

Список литературы:

1. Levy B.H. Le barbarie a visage humain. P., 1977.
2. Le testament de Dien. Paris, 1979.

3. Questions de principe. Paris, 1983.
4. Reboul O. Langage et ideologie. P., 1980.
5. Гуревич П.С., Буева Л.П., Егорова И.В. «Нужна ли нам идеология?» в рубрике «Круглый стол» // Вестник аналитики. 2014. № 1(55). С. 99-120.
6. Спирина Э.М. «Протез духовности». О книге Т. Адорно «О немецкой идеологии» // Вестник аналитики. 2014. № 2(56). С. 152-155.
7. Jakobson R. Essais de linguistique generale. P., 1970. (См. русский перевод в кн.: Структурализм: за и против. М., 1979).
8. Austin J.L. How to do things with words. N.J., 1968.
9. Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2014.
10. Гиренок Ф.И. Археология языка и мышления // Филология: научные исследования. 2011. № 3. С. 62-66.
11. Гуревич П.С. Перевоплощение текста в идеологию // Философия и культура. 2013. № 4(64). С. 423-428.

References (transliteration):

1. Levy B.H. Le barbarie a visage humain. P., 1977.
2. Le testament de Dien. Paris, 1979.
3. Questions de principe. Paris, 1983.
4. Reboul O. Langage et ideologie. P., 1980.
5. Gurevich P.S., Bueva L.P., Egorova I.V. «Nuzhna li nam ideologiya?» v rubrike «Kruglyi stol» // Vestnik analitiki. 2014. № 1(55). S. 99-120.
6. Spirova E.M. «Protez dukhovnosti». O knige T. Adorno «O nemetskoj ideologii» // Vestnik analitiki. 2014. № 2(56). S. 152-155.
7. Jakobson R. Essais de linguistique generale. P., 1970. (Sm. russkii perevod v kn.: Strukturalizm: za i protiv. M., 1979).
8. Austin J.L. How to do things with words. N.J., 1968.
9. Adorno T. Zhargon podlinnosti. O nemetskoj ideologii. M., 2014.
10. Girenok F.I. Arkheologiya yazyka i myshleniya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2011. № 3. S. 62-66.
11. Gurevich P.S. Perevoploshchenie teksta v ideologiyu // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 4(64). S. 423-428.